

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

(Перевод)

Слово о походе Игореvem, Игоря, сына Святославова, внука Олегова

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами ратных повестей о походе Игореvem, Игоря Святославича? Начаться же той песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову.

Ведь Боян вещий ¹, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу ², храброму Мстиславу, зарезавшему Редедю перед полками касожскими ³, прекрасному Роману Святославичу ⁴. А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира ⁵ до нынешнего Игоря, который обуздал ум своею доблестью и поострил сердца своего мужеством, преисполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрито. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть, так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон ⁶». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копьё преломить на границе поля половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона» ⁷.

О Боян, соловей старого времени! Если бы ты полки эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, взлетая умом под облака, свивая славы вокруг нашего времени, возносясь по тропе Трояновой ⁸ с полей на горы!

Так бы петь песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону великому». Или так пел бы ты, вещий Боян, внук Велеса ⁹: «Кони ржут за Сулой ¹⁰ — звенит слава в Киеве!»

Трубы трубят в Новеграде, стоят стяги в Путивле ¹¹, Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему БуйТур Всеволод ¹²: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои готовы, уже оседланы у Курска. А мои куряне — бывалые воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены; пути им ведомы, яруги известны, луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наточены. Сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, вострепнулся Див ¹³, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню ¹⁴, и тебе, тмутороканский идол ¹⁵. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полночи, словно лебеди встревоженные.

Игорь к Дону войско ведет. Уже гибели его ожидают птицы по дубравам, волки беду будят по яругам, орлы клетком зверей на кости зовут, лисицы лают на червлёные щиты.

О Русская земля! Уже за холмом ты!

Долго темная ночь длится. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный

затих, говор галочий пробудился. Русичи широкие поля червлеными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранку в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись, словно стрелы, по полю, помчали красавиц — девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты ¹⁶. Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям. Червленный стяг, белая хоругвь, червленный бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно на обиду рождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчанин! Гзак бежит серым волком, Кончак ему путь прокладывает к Дону великому ¹⁷.

На другой день ранымрано кровавые зори рассвет возвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца ¹⁸, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, иди дождю стрелами с Дона великого! Тут копьям преломиться, тут саблям иступиться о шлемы половецкие, на реке на Каяле ¹⁹, у Дона великого!

О Русская земля! Уже за холмом ты!

А вот уже ветры, Стрибожьи внуки ²⁰, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля покрывает, стяги вешают: «Половцы идут!» — от Дона, и от моря, и со всех сторон обступили они русские полки. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр-Тур Всеволод! Стоишь ты всех впереди, осыпаешь воинов стрелами, гремишь по шлемам мечами булатными. Куда, Тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат головы поганых половцев, расщеплены саблями калеными шлемы аварские ²¹ от твоей руки, Яр-Тур Всеволод! Какая рана удержит, братья, того, кто забыл о почестях и богатстве, забыл и города Чернигова отцовский золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, любовь и ласку!

Были века Трояна ²², минули годы Ярослава, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом раздоры ковал и стрелы по земле сеял. Вступает он в золотое стремя в городе Тмуторокани ²³, звон же тот слышал давний великий Ярослав сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове ²⁴. Бориса же Вячеславича жажда славы на смерть привела и на Канине зелену паполому постлала ему ²⁵ за обиду Олега, храброму и молодому князю. С такой же Каялы и Святополк бережно повез отца своего между венгерскими иноходцами к святой Софии, к Киеву ²⁶. Тогда при Олеге Гориславиче ²⁷ заседалось и прорастало усобицами, гибло достояние Даждь-Божьих внуков ²⁸, в княжеских распрях век людской сокращался. Тогда на Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему лопотали, собираясь лететь на поживу.

То было в те рати и в те походы, а о такой рати и не слыхано! С раннего утра и до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шеломы, трещат копья булатные в поле чужом среди земли половецкой. Черная земля под копытами костьми засеяна, а кровью полита; горем взошли они на Русской земле!

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы ²⁹. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы, тут кровавого вина не хватило, тут пир завершили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась

Обида в силах Дажь-Божьих внуков, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю. А Игоревы храброго полка не воскресить! Вслед ему завопила Карна, и Жля помчалась по Русской земле, сея горе людям из огненного рога ³⁰. Жены русские зарыдали, причитая: «Уже нам свои милых мужей ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни очами не увидеть, а золота и серебра и в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев в горе, а Чернигов от напастей. Кручина разлилась по Русской земле, печаль горькая потоками потекла по земле Русской. А князья сами себе невзгоды ковали, а поганые сами в победных набегах на Русскую землю брали дань по белке от двора ³¹.

Ведь те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, непокорством распрю разбудили, которую усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский ³², грозою — усмирил своими сильными полками и булатными мечами; вступил на землю половецкую, протоптал холмы и яруги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из Лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем, вырвал. И повержен Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святослава ³³. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы ³⁴ прославляют Святослава, корят князя Игоря, потопившего благоденствие в Каяле, реке половецкой, русское золото рассыпали. Тогда Игорь-князь пересел из золотого седла в седло невольничье. Уныли городские стены, и веселие сникло.

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах ³⁵: «Этой ночью с вечера одевали меня, — говорил, — черною паполомою на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, осыпали меня крупным жемчугом из пустых колчанов поганых иноземцев и утешали меня. Уже доски без конька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, из дебри Кисановой понеслись к синему морю» ³⁶.

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум нам застилает. Вот ведь слетели два сокола с отцовского золотого престола добыть города Тмуторокани или хотя бы испить шеломом Дону. Но соколам уже крылья подрезали саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно стало на третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними два молодых месяца тьмою заволоклись ³⁷. На реке на Каяле тьма свет прикрыла; по Русской земле рассыпались половцы, точно стая гепардов ³⁸, и великую радость пробудили в хинове ³⁹. Уже пала хула на хвалу, уже ударило насилие по воле, уже бросился Див на землю. Вот уже готские красавицы девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана ⁴⁰. А мы, дружина, лишились радости».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю мечами терзать, а себе искать славу. Но не по чести одолели, не по чести кровь поганых пролили. Ваши храбрые сердца из твердого булата скованы и в доблести закалены. Что же учинили вы моим серебряным сединам!

А уже не вижу власти сильного и богатого брата моего Ярослава, с воинами многими, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами ⁴¹. Все они и без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звеня прадедней славой. Но сказали вы: „Помужествуем сами: мы и прежнюю

славу поддержим, а нынешнюю меж собой поделим”. Но не дивно ли, братья, старику помолодеть? Когда сокол возмужает, высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот в чем беда — княжеская непокорность, вспять времена повернули. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир изранен. Горе и беда сыну Глебову!» ⁴²

Великий князь Всеволод! ⁴³ Не помыслишь ли ты прилететь издалека отцовский золотой престол побережь? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы невольница по ногате, а раб по резане ⁴⁴. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять — удалыми сынами Глебовыми ⁴⁵.

Ты, доблестный Рюрик, и ты, Давыд! ⁴⁶ Не ваши ли воины злаченными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, словно туры, раненные саблями калеными, в поле чужом? Вступите же, господа, в золотые стремяна за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! ⁴⁷ Высоко сидишь на своем златокваном престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака ⁴⁸, суды рядя до Дуная. Страх перед тобой по землям течет, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола в султанов за землями. Стреляй же, господин, в Кончака, поганого половчанина, за землю Русскую, за раны Игоревы, храброго Святославича!

А ты, доблестный Роман, и Мстислав! ⁴⁹ Храбрые помыслы влекут ваш ум на подвиг. Высоко летишь ты на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, стремящийся птицу дерзко одолеть. Ведь у ваших воинов железные паворзи ⁵⁰ под шлемами латинскими. Поэтому и дрогнула земля и многие народы — хинова, литва, ятвяги, деремела ⁵¹ и половцы — копья свои побросали и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань.

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда шестокрыльци! ⁵² Не по праву побед расхитили себе владения! Где же ваши золотые шлемы, и сулицы ⁵³ польские, и щиты? Загородите Полю ворота своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоря, храброго Святославича!

Вот уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю и Двина болотом течет у тех грозных полочан под кликами поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, прозвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, поддержал славу деда своего Всеслава ⁵⁴, а сам под червленными щитами на кровавой траве литовскими мечами изрублен... И сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали». Не было тут ни брата Брючислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелие ⁵⁵. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские.

Ярославовы все внуки и Всеславовы! ⁵⁶ Не вздымайте больше стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо растеряли уже дедовскую славу. В своих распрах начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли половецкой.

На седьмом веке Трояна бросил Всеслав жребий о девице ему милой. Тот хитростью поднялся... достиг града Киева и коснулся копьем своим золотого престола киевского ⁵⁷. А от них бежал, словно лютый зверь, в полночь из Белгорода, окутанный синей мглой ⁵⁸, трижды добыл победы: отворил ворота Новгороду, разбил славу Ярославову, скакнул

волком на Немигу с Дудуток ⁵⁹. На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добрым засеяны — засеяны костями русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до рассвета дорыскивал до Тмуторокани, великому Хорсу ⁶⁰ волком путь перебегал. Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано у Святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хотя и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку молвил, смысленный: «Ни хитрому, ни удачливому... суда Божьего не избежать!»

О, печалиться Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне одни стяги Рюриковы, а другие Давыдовы, и порознь полотнища их развеваются. Копья поют...

На Дунае ⁶¹ Ярославнин голос слышится, одна-одинешенька она спозаранку, как чайка ⁶², кличет: «Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая: «О ветер-ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковыблю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова ⁶³. Взлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море». Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая: «Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! Почему же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки стянуло, горем колчаны им заткнуло».

Вспенилось море в полуночи, в тучах движутся вихри. Игорю-князю Бог путь указывает из земли половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит и не спит: Игорь мыслию поля мерит от великого Дона до малого Донца ⁶⁴. В полночь свистнул Овлур ⁶⁵ коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул — стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь горностаем прыгнул в тростники, белым гоголем — на воду, вскочил на борзого коня, соскочил с него босым волком ⁶⁶, и помчался к луку Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, то Овлур волком побежал, стряхивая студеную росу, ибо загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Разве не мало тебе славы, а Кончаку досады, а Русской земле веселья!» Игорь сказал: «О Донец! Разве не мало тебе славы, что лелеял ты князя на волнах, расстилал ему зеленую траву на своих серебряных берегах, укрывал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева? Стерег ты его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями в воздухе» ⁶⁷. Не такая, говорят, река Стугна: бедна водою, но, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе ⁶⁸. Уныли цветы от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря рыщут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не каркали, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали ⁶⁹. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет предвещают. Говорит Гзак

Кончаку: «Если сокол к гнезду летит — расстреляем соколенка своими злачеными стрелами»⁷⁰. Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной девицей, то не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы и станут нас птицы бить в поле половецком».

Сказали Боян и Ходына Святославовы⁷¹, песнотворцы старого времени Ярославова, Олега-когана любимцы: «Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Так и Русской земле без Игоря.

Солнце светит на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву к святой Богородице Пирогощей⁷². Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй-Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, защищая христиан от полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь!

(Перевод О. В. Творогова)

ПРИМЕЧАНИЯ

В 1185 г. князь Новгород-Северского Игорь Святославич (1151—1202) со своим братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом Ольговичем отправился в поход на половцев. Русичи потерпели поражение, и случилось неслыханное: в плен попали не только дружинники и простые воины, но и все князья. Это событие произвело тягостное впечатление на современников. Рассказывает о нем и летопись ([см. ниже: О походе Игоря Святославича на половцев](#)), ему посвящено и одно из лучших произведений древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве», созданное неизвестным нам автором в конце XII в. Автор «Слова...» не столько рассказывает о событиях, сколько размышляет о причинах и последствиях случившейся трагедии, призывает князей прекратить междоусобные распри, вместе выступить на защиту Русской земли. Благодаря своим высоким художественным достоинствам «Слово...» намного пережило эпоху своего создания: прозаические переводы, поэтические переводы и переложения на десятки языков мира продолжают появляться и в наши дни; к «Слову...» обращаются в своем творчестве живописцы и книжные графики, скульпторы и композиторы.

В «Слове...» немало поэтических образов, выражений и отдельных слов, о значении которых не прекращаются споры. Поэтому в изданиях текст «Слова...», как правило, сопровождается подробными историческими и литературными комментариями; Д. С. Лихачевым создан объяснительный перевод «Слова...» (см.: Л и х а ч е в Д. С. Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. 2-е изд. М., 1982. С. 51—79). В хрестоматии приводятся лишь краткие примечания к тексту.

¹ Боян — поэт, сказитель, живший в конце XI — начале XII вв.

² Ярослав Владимирович Мудрый — великий князь киевский (1019—1054).

³ Брат Ярослава — Мстислав — в 1022 г. одолел в поединке касожского князя Редедю. Касоги — предки черкесов или адыгейцев.

⁴ Роман Святославич (умер в 1079 г.) — князь тмутороканский.

⁵ Владимир — Владимир Святославич, киевский князь (980—1015), общий предок всех князей, упоминаемых в «Слове...».

⁶ Доном в «Слове...» называется Северский Донец.

⁷ Испить воды из неприятельской реки в образной речи воинов значило покорить, завоевать эту землю.

⁸ Об имени Трояна идут споры: одни считают, что подразумевается римский император, другие — что Троян — языческий бог.

⁹ Велес — языческий бог скота и богатства; судя по «Слову...», он считался и покровителем певцов или поэтов.

¹⁰ Сула — левый приток Днепра, река, пограничная с половецкой степью.

¹¹ Новгород-Северский — город на Десне, стольный город Игоря; Путивль на притоке Десны Сейме — город старшего сына Игоря, Владимира.

¹² Брат Игоря, Всеволод, сравнивается с туром — могучим и свирепым диким быком.

¹³ Див — фантастическое существо, враждебное русским.

¹⁴ Поморие — земли по берегам Черного и Азовского морей, Посулие — земли по берегам Сулы, Сурож и Корсунь — города в Крыму.

¹⁵ Речь идет о какой-то статуе (маяке?) в Тмуторокани — городе на Таманском полуострове; в XI в. эти земли принадлежали черниговским князьям.

- ¹⁶ *Паволоки и аксамиты* — дорогие шелковые ткани.
- ¹⁷ *Гзак, Кончак* — половецкие ханы.
- ¹⁸ *Четыре солнца* — князья, участники похода: Игорь, Всеволод, Владимир Игоревич и Святослав Ольгович Рыльский.
- ¹⁹ Точное местонахождение Каялы неизвестно. Большинство ученых считают, что битва с половцами произошла в районе современного города Славянска, на севере Донецкой области Украины.
- ²⁰ *Стрибог* — языческий бог ветра.
- ²¹ Авары (народность Северного Кавказа) были искусными оружейниками.
- ²² См. примечание 8.
- ²³ В 1078 г. дед Игоря, князь Олег Святославич (умер в 1115 г.), княживший в то время в Тмуторокани, двинулся со своим союзником — Борисом Вячеславичем — отвоевывать Чернигов.
- ²⁴ *Всеволод Ярославич* (1030—1093) — в то время черниговский князь, Владимир (Мономах) — его сын.
- ²⁵ *Паполома* — погребальное покрывало; с паполомой сравнивается трава, на которую упал убитый Борис Вячеславич.
- ²⁶ Отец Святополка — великий князь Киевский Изяслав (1024—1078), пришедший на помощь Всеволоду, был убит, его погребли в киевском Софийском соборе.
- ²⁷ *Олег Святославич*, зачинщик многих междоусобиц, приводивший на Русь союзных ему половцев, именуется Гориславичем либо с осуждением (приносящий горе), либо с сочувствием: князь и сам перенес много невзгод.
- ²⁸ *Даждь-Бог* — главное языческое божество, податель благ; вероятно, в нем видели покровителя русичей, поэтому они и именуются внуками Даждь-Бога.
- ²⁹ Падение стягов означало, что войско потерпело поражение.
- ³⁰ *Карна и Жля* — олицетворение горя и печали; огненный рог символизирует либо огонь погребальных костров, либо пожары сел и городов во время войн.
- ³¹ Половцы, разумеется, не облагали русских данью; здесь образно говорится об унижительных поборках и грабежах, которыми сопровождалась половецкие набеги.
- ³² *Святослав Всеволодич* (ок. 1125—1194) с 1181 г. в соправительстве с Рюриком Ростиславичем был великим князем киевским, Игорь Святославич приходился ему двоюродным братом, Святослав называется отцом как старший по положению (киевский князь) и как старший в роду Ольговичей.
- ³³ Вспоминается о победоносном походе 1183 г., возглавлявшемся Святославом и Рюриком, против лукоморских половцев (в низовьях Днепра). Были захвачены в плен хан Кобяк и другие знатные половцы.
- ³⁴ В 1182 г. Моравия — область Восточной Чехии — была провозглашена самостоятельным графством. Быть может, поэтому «Слово...» вспоминает ее жителей, а не более известных на Руси чехов (т. е. жителей Чехии).
- ³⁵ Сон Святослава полон дурных примет: его покрывают паполомой, словно покойника, подают ему вино, смешанное с горем, сыплют крупный жемчуг, что предвещает слезы; крыша его терема без опорной балки (конька), а это напоминает, что по древнему обычаю покойника выносили из дома, разобрав крышу.
- ³⁶ Фраза непонятна. Полагают, что Плесньск и дебрь Кисаня находились в окрестностях Киева.
- ³⁷ Два солнца — князья Игорь и Всеволод, молодые месяцы — княжичи Владимир и Святослав Рыльский.
- ³⁸ *Гепарды* — хищные звери из породы кошачьих, отличаются быстротой бега.
- ³⁹ *Хинова* — видимо, собирательное обозначение восточных народов.
- ⁴⁰ О том, кто такой Бус, ведутся споры; *Шарукан* — половецкий хан, разбитый в войне 1106 г. русскими князьями.
- ⁴¹ На службе у черниговского князя Ярослава, брата Святослава киевского, находились тюркские племена, которые и перечисляются в «Слове...».
- ⁴² После поражения Игоря Кончак осадил Переяславль, города он не взял, но переяславский князь Владимир Глебович был тяжело ранен в бою; возвращаясь из Переяславля, половцы взяли город Римов (на реке Суле).
- ⁴³ Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154—1212) — с 1176 г. стал великим князем Владимиро-Суздальской земли.
- ⁴⁴ *Ногата и резана* — мелкие денежные единицы.
- ⁴⁵ *Сыны Глебовы* — сыновья рязанского князя Глеба Ростиславича, зависимые от Всеволода. Значение слова «шереширь» неизвестно.
- ⁴⁶ *Рюрик Ростиславич* (умер в 1212 г.) — с 1181 г. соправитель Святослава, князь Киевской земли; Давыд (умер в 1197 г.) — его брат, с 1180 г. князь Смоленской земли.
- ⁴⁷ *Ярослав Владимирович* (умер в 1187 г.) — с 1153 г. был князем Галицкой земли, на его дочери был женат Игорь Святославич.
- ⁴⁸ Украинский историк Л. Махновец предположил, что речь идет о катапультах, из которых с вершин гор (через облака) могли обстреливаться камнями дороги и тропы в случае нашествия врагов.
- ⁴ *Роман Мстиславич* (умер в 1205 г.) — с 1170 г. был волынским князем; какой Мстислав имеется здесь в виду, неясно.
- ⁵⁰ *Паворзи* — покрытые металлическими пластинками ремешки.
- ⁵¹ *Ятвяги и деремела* — литовские племена.

- 52 *Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича* — волыньские князья, они сравниваются с соколами (шестокрыльцами).
- 53 *Сулицы* — короткие метательные копия.
- 54 *Всеслав Брячиславич* (умер в 1101 г.) — полоцкий князь; об этом воинственном князе «Слова...» рассказывает далее.
- 55 Вероятнее всего, имеется в виду расшитый золотыми нитями ворот княжеского одеяния.
- 56 Речь идет о враждующих группировках князей — потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Брячиславича.
- 57 В 1068 г. находившийся в Киеве в заточении Всеслав был освобожден киевлянами и провозглашен князем.
- 58 Прокняжив семь месяцев, Всеслав ночью бежал из Белгорода (город к западу от Киева) в Полоцк.
- 59 В 1067 г. братья Ярославичи (Изяслав, Святослав и Всеволод) победили Всеслава в бою на реке Немиге (в районе Минска). Упоминаемые здесь Дудутки нам неизвестны.
- 60 *Хорс* — языческое божество солнца.
- 61 *Дунай* — в данном случае поэтическое обозначение реки.
- 62 Зегзицу в тексте «Слова...» толкуют и как кукушку, и как чайку. Отдаем предпочтение второму толкованию, так как речь идет о птице, живущей на воде.
- 63 См. примечание 33.
- 64 Малый Донец, как полагает Б. А. Рыбаков, современная река Уды, приток Северского Донца, именуемого в «Слове...» Доном.
- 65 *Овлур* (*Влур, Лавр*) — половец, помогший Игорю бежать из плена.
- 66 «*Босой волк*» — т. е. быстроногий, быстро бегущий волк.
- 67 *Гоголь, чернядь* — водоплавающие птицы.
- 68 О гибели при переправе через Стугну князя Ростислава, сводного брата Владимира Мономаха, рассказывается и в «Повести временных лет».
- 69 *Полозы* — крупные змеи.
- 71 Половецкие ханы обсуждают судьбу Владимира Игоревича, оставшегося в плену. Кончак остался верен прежнему обещанию: Владимир женился на его дочери и вместе с ней и родившимся сыном вернулся на Русь.
- 71 Имя *Ходыны* — певца, подобного Бояну, — реконструировано исследователями «Слова...». Ходына, как полагают, мог быть княжеским певцом у Святослава Ярославича и его сына Олега, носившего, как князь Тмуторокани, титул коган.
- 72 Церковь Богородицы Пирогощей находилась на дороге, связывавшей княжеский двор в Киеве с Подолом, на берегу Днепра; Игорь мог посетить ее как приехав в Киев, так и уезжая из него в свое княжество.